

ЦАМОНИЯ:

РУМО, ИЛИ ЧУДЕСА В ТЕМНОТЕ
ГОРОД МЕЧТАЮЩИХ КНИГ
ЛАБИРИНТ МЕЧТАЮЩИХ КНИГ

ГОРОД МЕЧТАЮЩИХ КНИГ

РОМАН ИЗ ЦАМОНИЙСКОЙ ЖИЗНИ
ХИЛЬДЕГУНСТА МИФОРЕЗА

ПЕРЕВОД С ЦАМОНИЙСКОГО
И ИЛЛЮСТРАЦИИ ВАЛЬТЕРА МОЭРСА

Москва
2016

УДК 821.112.2-312.9(73)
ББК 84(4Гем)-44
М87

Walter Moers

DIE STADT DER TRAUMENDEN BUCHER

Copyright©2004 by Piper Verlag GmbH, Munchen

Перевод с немецкого *Анны Комаринец*

Перевод стихотворений *Наны Эрстави* и *Романа Рубцова*

Разработка серии *Сергея Шикина*

Иллюстрация на переплете *Александра Руденко*

Внутренние иллюстрации *Вальтера Моэрс*

Издательство благодарит *Михаила Фрайнта*
за помощь в подготовке издания

Моэрс, Вальтер.

М87   Город Мечтающих Книг / Вальтер Моэрс ; [пер. с нем. А.А. Комаринец]. — Москва : «Издательство «Э», 2016. — 464 с. : ил. — (Книга-фантазия).

ISBN 978-5-699-84539-2

Книги могут сделать с вами что угодно — даже самое страшное! Юный писатель Хильдегунст Мифорез наследует безупречную рукопись, тайну которой он мечтает разгадать. След ведет его в Книгород, Город Мечтающих Книг...

Вальтер Моэрс вводит нас в волшебный мир литературы, где книги не только развлекают или удивляют, но могут свести с ума или погубить.

Впервые в полном отредактированном переводе!

УДК 821.112.2-312.9(73)
ББК 84(4Гем)-44

© Комаринец А., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

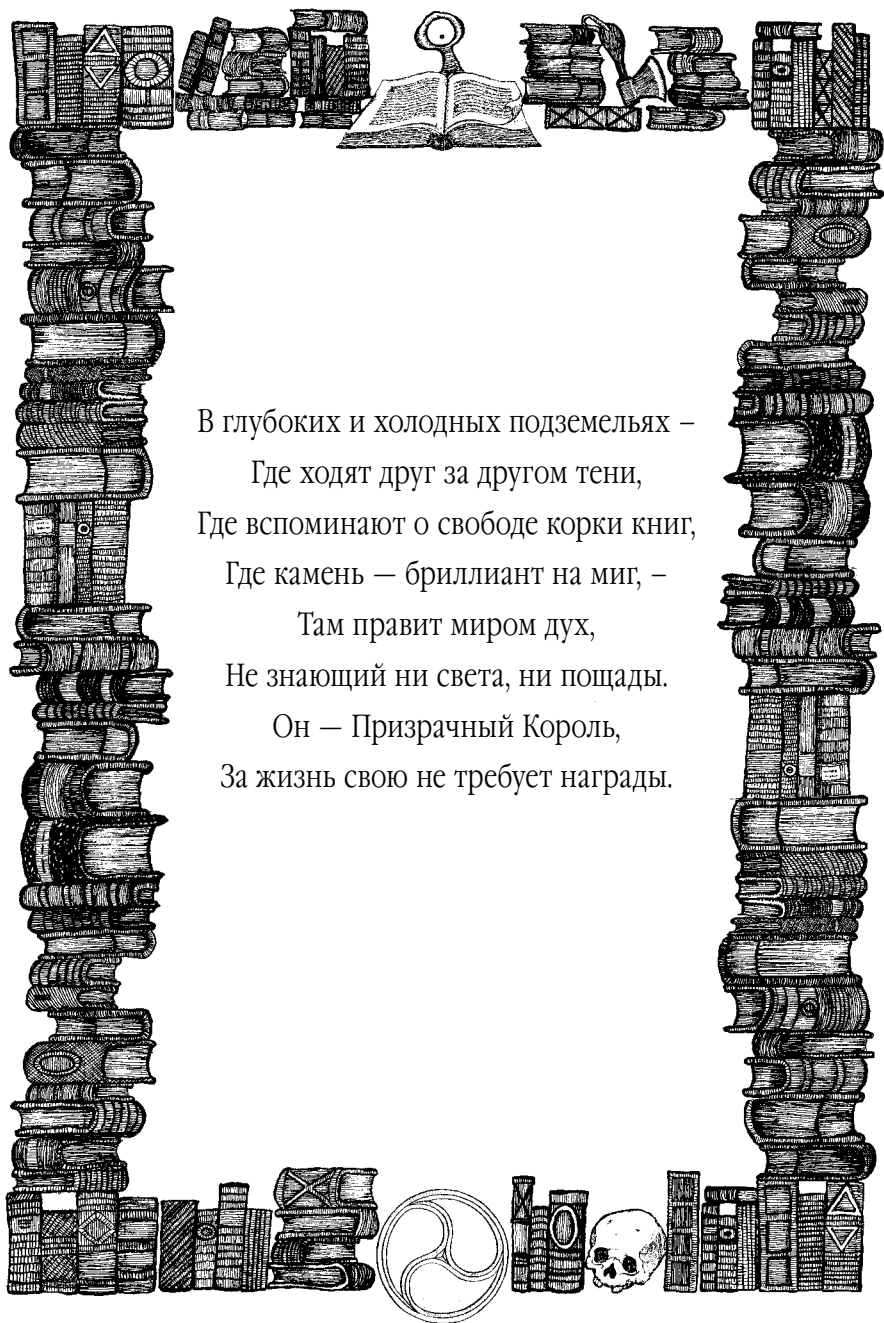
ISBN 978-5-699-84539-2

Часть первая

Завещание Данцелота

В глубоких и холодных подземельях –
Где ходят друг за другом тени,
Где вспоминают о свободе корки книг,
Где камень — бриллиант на миг, –
Там правит миром дух,
Не знающий ни света, ни пощады.
Он — Призрачный Король,
За жизнь свою не требует награды.

Хильдегунст Мифорез

Предостережение

Все начинается именно здесь. Это история о том, как у меня оказалась «Кровавая книга» и я обрел Орм. Моя история точно не для впечатлительных и слабонервных трусишек, им я бы посоветовал положить эту книгу обратно на полку, уйти и раствориться в отделе детской литературы. Живо, живо, вы все, любители успокоительных, плаксы, трусы и слабаки! Здесь речь пойдет об удивительном месте, в котором чтение еще считается приключением! Что такое приключение, я понимаю по старинке, согласно «Цамонийскому толковому словарю»: **«Рискованная затея, на которую пускаются из жажды открытий или задора, с неременной угрозой для жизни и непредсказуемыми опасностями, которая порой заканчивается печально».**

Да, да, я говорю о том месте, где чтение способно ввергнуть в безумие, где книги наносят удары, отравляют, а бывает, что могут и убить. Только тот, кто действительно готов рискнуть и поставить на карту свою жизнь, чтобы узнать мою историю, должен перейти со мной к следующему абзацу. Всех остальных я поздравляю с их трусливым, но разумным решением оставить эту затею. Так держать, трусы! Я желаю вам и дальше влечить свое скучное существование, вот вам мой прощальный поклон!

Итак, после того как мы сократили наше число до маленького, но отважного отряда, я хочу поприветствовать всех, кто остался с нами. Гордитесь, мои отважные друзья, вы слеплены из особого, героического теста, вы настоящие искатели приключений! Не будем же больше терять время и отправимся странствовать. Нас ждет букинистическое путешествие в Книгород, Город Мечтающих Книг, так что соберите всю свою волю. Нам предстоит идти по скалистым предгорьям, а затем по равнине, где густые стебли трав по пояс остры, словно ножи. И наконец, по мрачным, запутанным, опаснейшим тропкам все глубже и глубже вниз, в самые недра земли.

Не знаю, сколько из нас вернутся назад. Могу лишь посоветовать никогда не терять мужества — что бы с нами ни случилось.

И не говорите, что я вас не предупреждал!

В Книгород

Если, двигаясь на восток по Дульскому плоскогорью в Западной Цамонии, путник из последних сил преодолевает колышущееся травяное море, перед ним внезапно открывается бесконечная гладкая равнина, которая, скрываясь за горизонтом, переходит в Сладкую пустыню. В хорошую погоду и если ветер не взбивает пыль, можно различить пятнышко, которое все увеличивается по мере того, как приближаешься к нему размашистым шагом. Затем его очертания становятся угловатыми, из них складываются остроконечные крыши, а после и само овечье легендами место, которое называют Книгородом.

Его запах чувствуешь издали — оттуда веет старыми книгами. Будто распахнули дверь в гигантский букинистический магазин, будто поднялся самум книжной пыли, и прямо в лицо пахнуло затхлостью миллионов истлевающих фолиантов. Есть люди, которым этот запах не нравится, которые, стоит им раз чихнуть, бегут без оглядки. Согласен, он не слишком приятный: безнадежно несовременный, отдающий распадом и разложением, брэнностью и плесневым грибом — но есть кое-что еще. Легкий кисловатый привкус, напоминающий дуновение ветерка, пробежавшего по лимонным деревьям. Возбуждающий аромат старой кожи. Острая едкость типографской краски. И последний, но самый главный, умиротворяющий запах дерева.

Я говорю не о живых деревьях, не о смолистых лесах и свежих еловых иголках, я говорю про мертвое, ошкуренное, отбеленное, перемолотое, вымоченное, проклеенное, свальцованное и порезанное дерево, короче, про бумагу. О да, мои любознательные друзья, и вы тоже уже ощущаете этот аромат, напоминающий об утерянном знании и древних ремесленных традициях. И теперь вам нелегко подавить в себе желание поскорей открыть антикварную книгу, ведь правда? А потому прибавим шагу! С каждой минутой запах усиливается, манит все больше. Все яснее видны дома под островерхими крышами, над которыми поднимаются сотни, тысячи каминных труб и своими жирными клубами затем-

няют небо и подмешивают к запаху новые ингредиенты: свежесваренного кофе, свежее испеченного хлеба, нашпигованного травами мяса, скворчащего на вертеле над углем. Наш шаг снова ускоряется, и к пылкому желанию открыть поскорее книгу примешивается тоска по чашке горячего какао с корицей и ломтику еще теплого песочного кекса. Быстрее! Быстрее!

Наконец мы подходим к окраине, усталые, голодные, исполненные любопытства — и чуть-чуть разочарованные. Не видно ни внушительной крепостной стены, ни охраняемых ворот (скажем, в виде гигантской твердой обложки, которая, покряхтывая, открылась бы на наш стук), нет, есть лишь несколько узеньких улочек, по которым вступают в город или покидают его, спеша по своим делам, обитатели Цамонии всех форм и размеров. Большинство несет под мышкой стопки книг, некоторые даже волокут за собой целые тачки. Сценка у ворот самого обычного городка — если бы не бесчисленные книги.

И вот, мои отважные спутники, мы стоим на волшебной границе Книгорода — именно здесь, без всяких фанфар, начинается город. Вот сейчас мы переступим его невидимый порог, войдем и узнаем его загадки и тайны.

Сейчас, сейчас.

Но прежде я хочу ненадолго прерваться и сообщить, по какой причине вообще отправился в путь. У каждого путешествия есть свой повод, и мой заключался в пресыщении и юношеском легкомыслии, в желании вырваться из привычного уклада, узнать жизнь и повидать мир. Кроме того, мне хотелось выполнить обещание, которое я дал умирающему, и, не в последнюю очередь, я шел по следу удивительной загадки. Но все по порядку, друзья!

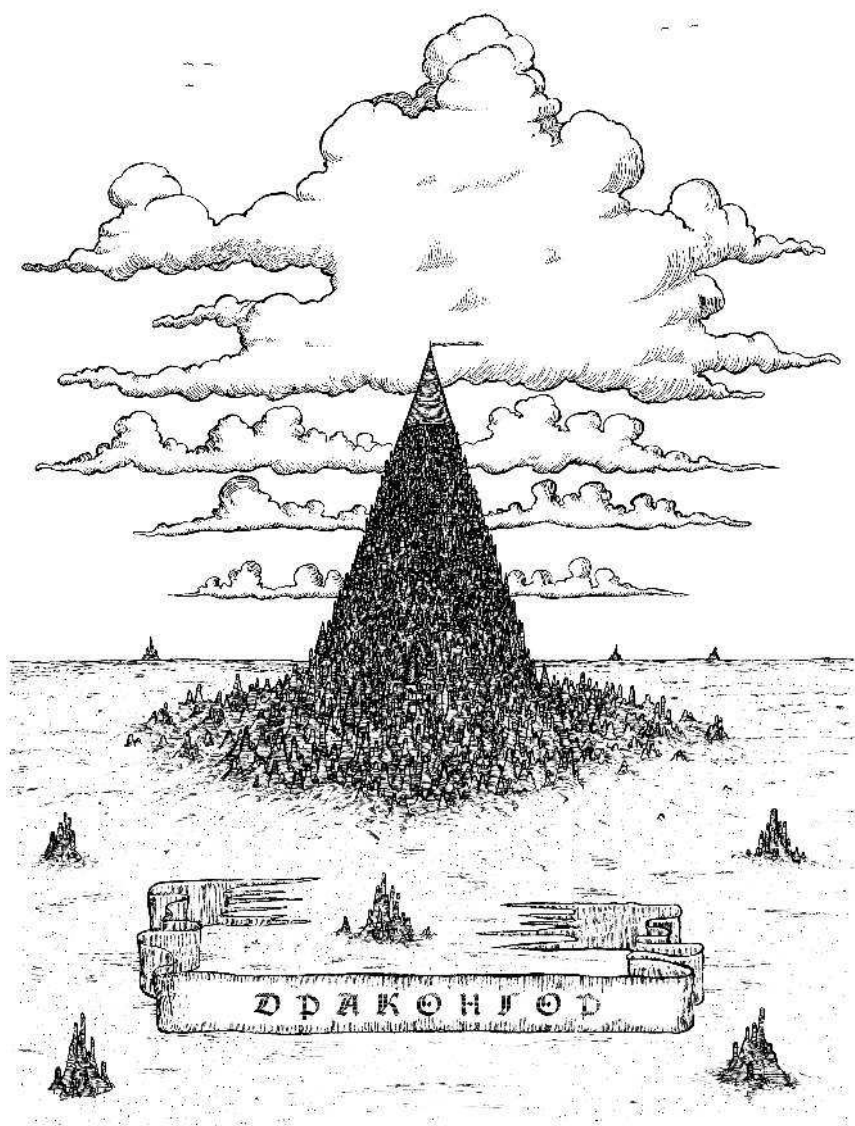
В Драконгоре

Когда юный обитатель Драконгора* вступает в возраст, достаточно зрелый для чтения, то получает от родителей так называемого крестного во литературе. Обычно его выбирают из родных или ближайших друзей, и с сего момента он отвечает за литературно-поэтическое воспитание юного динозавра. Такой крестный учит воспитанника читать и писать, общается к искусству цамонийской поэзии, наставляет в круге чтения и обучает писательскому ремеслу. Он выслушивает его стихи, обогащает словарный запас и так далее и тому подобное, иными словами, всемерно способствует творческому развитию крестника.

Моим крестным был Данцелот Слоготокарь. Когда этот мой дядя по материнской линии взял меня под свое крыло, ему было уже более восьмисот лет — ископаемое по меркам Драконгора. Дядюшка Данцелот был крепким стихоплетом без особых амбиций, писал на заказ (в основном похвальные адреса для праздников), а еще считался одаренным сочинителем по части застольных и похоронных речей. Собственно говоря, он был скорее читателем, чем писателем, скорее любителем литературы, нежели ее творцом. Он заседал в бесчисленных комитетах по присуждению премий, организовывал поэтические состязания, был независимым лектором и литературным «негром». Сам он опубликовал лишь одну книгу «Об отраде огорода», в которой настойчиво воспевал пышно разросшиеся грядки цветной капусты и распространялся о философских импликациях приготовления компоста. Свой огород Данцелот любил почти как саму литературу

---

* Кто хотя бы немного знаком с историей или литературой Цамонии, знает, что Драконгор — это испещренная ходами и штольнями, местами полая гора в Западной Цамонии, поднимающаяся на Дульском плоскогорье неподалеку от Дыр-Дыра. Драконгор населен прямоходящими, разумными динозаврами, которые все до единого почитают литературу, — как так вышло, неосведомленные пусть прочтут в другом месте. См. «Из Драконгора на Чурбаноскалу: половинная биография Хильдегунста Мифореза» в «Энзель и Крета», а также пассажи в «Румо, или Чудеса в темноте». Впрочем, к дальнейшим событиям данного повествования это отношения не имеет. — *Здесь и далее прим. пер. В.М.*

и без усталости проводил параллели между укрощенной природой и поэзией. Собственноручно посаженный куст клубники равнялся для него выстраданной поэме, выверенные грядки спаржи — ритмическому рисунку стиха, а гора компоста уподоблялась философскому эссе. Позвольте, мои терпеливые друзья, привести коротенькую цитату из уже давно распроданного сочинения Данцелота. По его описанию простой синекочанной капусты вы составите себе много лучшее впечатление, чем из тысячи моих слов:

«**Н**е менее ошеломляет процесс разведения синекочанной капусты. Тут ради разнообразия следует заботиться о состоянии кочана, а не о росте листа, и опытный огородник определяет временное ожирение по зонтику соцветий. Его бесчисленные, собранные в компактное соцветие бутоны жиреют вместе с черенками, образуя бесформенную массу голубоватого растительного сапа. Синекочанная цветная капуста — это цветок, гибнущий перед распусканьем в собственном жиру, или точнее: множество погибших цветков, зачахшее соцветие! Как, скажите на милость, способно размножаться это кормовое создание с его запывшей жиром мошонкой?

Впрочем, после краткой вылазки в противоестественное и оно тоже возвращается к естественному. Разумеется, огородник не дает ему такой возможности: урожай капусты собирают на пике ее заблуждения, а именно на наивкуснейшей стадии ее ожирения, когда соцветья толстопузого растения напоминают по вкусу фрикадельку. Селекционер же, напротив, оставляет голубую массу в уголке своего огорода, позволяя ей возвратиться к своему лучшему «я». Если он придет взглянуть на нее через три недели, то вместо трех фунтов растительного сапа найдет увядший кочан, вокруг которого гудят пчелы, блуждающие огоньки и пряничные жуки. Прежде неестественно утолщенные нежно-голубые черенки преобразовали толщину в длину, и мясистые цветоножки теперь украшены на конце несколькими редко сидящими желтыми цветками.

Немногие неукротимые бутоны приобретают синюю окраску, набухают, распускаются и выбрасывают семена. Эта маленькая, храбрая стая отважных и верных природе героев не дает погибнуть роду цветной капусты».

Да, вот вам Данцелот Слоготокарь во всей своей красе. Един с природой, влюблен в язык, неизменно точен в наблюдениях, оптимистичен, немного взбалмошен и настолько скупен, насколько возможно, когда речь идет о предмете его литературных трудов: о цветной капусте.

У меня сохранились о нем лишь добрые воспоминания, кроме, конечно, тех нескольких месяцев, когда (после того как его во время одной из многочисленных осад Драконгора ударило по голове каменным снарядом из катапульты) он возомнил себя шкафом, наполненным запыленными очками. Тогда я страшился, что он никогда больше не вернется к нам из мира галлюцинаций, но вскоре он оправился — после нового тяжелого удара по голове. От унесшего Данцелота гриппа не нашлось сходной чудесной панацеи.

Смерть Данцелота

Когда на восемьсот восемьдесят восьмом году своей долгой, насыщенной динозаврьей жизни Данцелот выпускал дух, мне было лишь семьдесят семь весен и я еще ни разу не покидал Драконгора. Умер он от безобидной, по сути, гриппозной инфекции, справиться с которой оказалось не под силу его ослабленной иммунной системе (что еще больше усугубило мое принципиальное недоверие к надежности иммунных систем).

Итак, в тот злосчастный день я сидел у его смертного одра и записывал следующий диалог, так как крестный потребовал, чтобы я запротоколировал его последние слова. Нет, не потому что он настолько любил себя, что желал оставить для потомков свои предсмертные вздохи, а потому что считал это неповторимым шансом для меня собрать аутентичный материал в данной области. Иными словами, он умер при исполнении своего долга крестного во литературе.

Данцелот: Я умираю, мой мальчик.

Я (*борясь со слезами, потеряв дар речи*): У-у-у...

Данцелот: Я далек от того, чтобы приветствовать смерть по соображениям фатализма или по свойственному старости философскому маразму, но, похоже, придется с ней смириться. Каждому дается лишь одна бочка, а моя полна почти до краев.